

Весьма разнообразно складывалась жизнь этих народов. Они победоносно шли на запад, покоряя все народы на своем пути, наматывая свои силы, как снежный ком и обрушивались затем как лавина на западные государства. Все трепетало перед ними и давало дорогу. Другим удавалось создавать великие империи в степях Волги, Дона, Днепра, затем разлагаться на составные части и исчезать с исторической сцены. Многие из кочевников смешивались с другими народами, растворялись в чужой среде и теряли свое имя и т. д.

Но, как правило, каждый из пришедших сюда народов вел длительную упорную борьбу с оседлым населением и через какой то, впрочем довольно значительный, промежуток времени начинал исподволь воспринимать от него культуру, быт и даже черты характера. Это обстоятельство в большинстве случаев пагубно отражалось на кочевниках, ибо убивало в них прежнюю воинственность, степные свойства подвижности, неутомимости... Они начинали постепенно принимать вид и свойства мирных оседлых людей. Вновь пришедшие из Азии народы уже легче справлялись с ними, легче покоряли их своей воле.

Принимая некоторые обычаи и культуру оседлых народов, кочевники издавна частично принимали христианство и с этого момента, в большинстве случаев, начинали служить тому народу, от которого принимали новую веру. Это же и создавало разнь в собственной среде со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Так, например, принявшие христианство печенеги, половцы, торки и др. народы того времени служили Киевской Руси и, в конце концов, слились с нею и растворились в ее среде. То же самое произошло и с крещеными татарами, которые служили Московской Руси.

Проповедь христианства среди кочевников носила не столько религиозный, сколько политический характер. Идя с крестом в гущу кочевого народа, проповедники смиряли их активный дух и из врагов часто делали друзей, который часто защищали государство своих новых единоверцев от своих же собратьев.

Этот метод "освоения" был применен Россией и к калмыцкому народу и, как мы увидим ниже, довольно успешно. Принявшие христианство калмычки начинали служить русским царям, хотя они, как кажется, никогда не шли против своих калмыков. Тем не менее, различие в вере, да еще в те времена, не могло не порождать чувства неприязни друг к другу, разрушать духовное единство народа, дробить его силы.

Как по этой причине, так и по многим другим калмыкам не удалось долго сохранить в южно-русских степях свою государственную независимость. Потере своей независимости калмыками способствовало и то обстоятельство, что ко времени их прихода сюда не было абсолютно, юридически свободных земель. Мно-русские степи, хотя и не густо, были уже прочно заняты оседлыми народами. Устье Дона - турками, Крым и Кубань - татарами. Между Волгой и Уральскими горами кочевали принявшие подданство России - башкиры. Астрахань принадлежала Москве и на Волге стояли ее опорные пункты в виде ряда крепостей. Донские казаки прочно занимали Дон и препятствовали кочевникам дальнейшее продвижение на Запад. На Днепре сидели воинственные Запорожские казаки. А украинский народ постепенно продвигался на Восток, закрепляя за собой занятые пространства.

Таким образом, калмыцкий народ хотя и нашел на западе от реки Урала, по обеим берегам нижней Волги и между Доном и Кавказом свободные степные пространства, но формальное право на них принадлежало дру-

гим народам, в данном случае России. При таких условиях удержать новорожденному и немногочисленному народу Калмыцкому свою государственную независимость было трудно. Для этого мало было иметь много силы. Но поскольку занятые калмыками степи были фактически свободны, то они вполне чувствовали здесь себя хозяевами, свободно пасли на них свои стада, свободно перекочевывали с одного места на другое, переправлялись на правый берег Волги и обратно, проникали на правый берег Дона, кочевали вверх по Донцу до Св. Гор.

Разойдясь по этим степным просторам, разделенными такими большими реками как Дон и Волга, калмыки ослабили внутреннюю связь своего степного государства, центральная власть фактически не могла подчинить своей единой воле все роды. По всем этим причинам даже выдающемуся хану Аюке и Дондук-Омбе фактически не удалось превратить свой народ в единый организованный монолит, несмотря на свои авторитеты.

В сношение с Донскими казаками калмыки вошли уже в 1642 году и почти с того же времени стали небольшими группами входить в состав этого войска. Это были наиболее смелые, инициативные группы, которые шли на казачьи земли, предпочитая свободный и демократический образ казачьей жизни, чем жизнь зависимую от своих нойонов и ханов.

В 1648 году калмыки заключили с казаками наступательный и оборонительный союз против Крыма, а в 1688 г. на Дон перешла уже большая группа до 200 семей т.е. около 1000 душ. В 1788 г. Дербетовский улус прикочевал на Дон и ходатайствовал о причислении его к Донскому Войску, что и было сделано в 1789 году, но через год часть калмыков ушла обратно в Малые Дербеты. На Дону осталось всего 2000 человек. В 1794 г. Донских калмыков уже считалось 9525 душ обоюго пола. Они могли кочевать по обоим берегам Дона. Потом они были переведены на левый берег Дона и получили для своих кочевий значительное пространство земель.

Часть из них, ранее принявшие христианство, осталась на правом берегу Дона и слилась с казачьим населением. Калмыки же, оставшиеся верными своей религии, полностью сохранили свое этническое лицо и, называясь казаками по войсковой принадлежности, оставались калмыками в национальном смысле.

В состав Чугуевского казачьего войска крещеные калмыки вошли еще в 1700 г. по указу Петра - I. Входили калмыки в состав и др. казачьих войск.

Русское правительство широко воспользовалось калмыцким народом в борьбе с своими врагами. Так, например, при их помощи поголовно была истреблена Чубанская орда татар. При Петре-I усмирено балкискское восстание в 1708 году. В этом же году, эти же калмыцкие части искусной политикой Российского двора, а главным образом благодаря хорошим личным отношениям Петра - I и хана Аюки, были направлены для участия в подавлении Булавинского восстания.

Но, помогая русским царям вести борьбу с непокорным югом, сами калмыки попали в невыносимое политическое положение и вынуждены были, в конце концов, бежать обратно в Азию, прожив на берегах Волги и Дона около 150 лет и оказав за это время России неоценимые услуги. / Как видно, покорным служением России, проливанием за ее интересы хотя бы море крови, калмыки не получили признания за собою национальных прав и никогда этим путем не получают. Ред. /

На общем собрании калмыцких вождей и духовенства в 1770 году

было решено, "по рекоставе и пождавшись присоединения калмыков, кочевавших по правой стороне Волги, вернуться к себе на родину, в Стонгарю. Наступившая зима была теплая. Волга не замерзала и калмыки, кочевавшие по левой стороне Волги, решили, не дожидаясь правобережных калмыков, тронуться в путь. Умертвив до 1000 человек русских, бывших среди них и всяческими способами эксплуатировавших их, 5 января 1771 года 33000 калмыцких кибиток или 170000 душ тронулись в далекий, рискованный путь. До Китая дошло их всего 70000 душ. Остальные погибли в пути. В России, не успев присоединиться к уходящим родам, осталось 20000 кибиток /семей/ или около 100000 душ. Судьба их была различна. Как уже сказано выше они вошли в состав нескольких казачьих войск. Большая часть их сохранила в полной мере свой быт и кочевала по Астраханским и Ставропольским степям. Но из них было также образовано и самостоятельное Калмыцкое Войско по образцу казачьих. Произошло это таким образом:

Петр I-й, узнав, что некоторые калмыки интересуются православием, приказал перевести на калмыцкий язык церковные книги. /Стол. Воен. Мин-ва, т. XI, ч. I, стр. 79/.

В результате этого, также энергичной проповеди миссионеров, административных поощрений принятия калмыками православия и часто денежных наград беднякам, путем проделаний проступков и пр., усилился переход калмыков в православие. Через небольшой промежуток времени из этих крещеных калмыков создано было указанное отдельное войско. Предполагалось это войско сделать большим. Но нойон Петр Тайшин, которому поручалось это дело, умер, не успев развить дело превращения своих собратьев да желаемых размеров. Он принадлежал к числу крещеных калмыцких владетелей, был братом хана Дондок-Омбо и внуком знаменитого Аюки. За год до его смерти /1736 г./ в его войске было 1500 кибиток или около 7500 душ обоего пола.

Анна Ивановна решила продолжать дело Петра Тайшина и возвела в княжеское достоинство его жену, повелела вновь образованному войску отвести до 200000 десятин земли и рыбные ловли в районе Ставрополя, что на левом берегу Волги, между Самарой и Симбирском.

В 1745 г. численность Ставропольского калмыцкого войска определялась уже в 5000 кибиток, или около 25000 душ. Такое быстрое увеличение войска могло произойти только в результате зачисления новых калмыков, выходцев из других калмыцких родов /орд/.

В 1760 г. к этому войску были причислены крещенные калмыки, вышедшие из киргизского плена в числе 1780 человек. Это новое войско несло такую же службу, какую несли и казаки. В 1780 году оно перешло в ведение Оренбургского казачьего войска и посылало на службу в Оренбург и за Урал 500-600 человек. В 1802 г. в Калмыцком войске числилось уже казаков и старшин 2869 чел. годных к службе. Из них ежегодно командировалось на службу 800 чел. строевых казаков, т.е. около одной трети.

Войско это сохраняло все свои обычаи и порядки и вело кочевой образ жизни, но в 1803 г. для него и для Оренбургских казаков было утверждено положение об управлении. В Оренбургском войске в состав войсковой канцелярии входило 2 советника и 4 ассесора под предводительством атамана. В Ставропольском Калмыцком войске войсковая канцелярия была создана по тому же правилу, но ассесоров было меньше. Таким образом у калмыков был свой атаман, свои советники и свои ассесоры.

В 1803 г. Ставропольское войско должно было формировать один тысячный полк, по примеру Оренбургского войска. В 1825 г. в десяти сотнях войска числилось 956 старшин и казаков. Но всего через 5 лет численность войска сократилась до 3571 души обоего пола. Было назначено специальное расследование о причинах такого катастрофического сокращения населения. Оказалось, что Калмыцкое войско умирало от какой-то неизвестной болезни.

Остатки вымершего Калмыцкого войска было решено в 1842 году присоединить к Оренбургскому войску. Всего было переведено 777 семейств. Остальные погибли. Земля войска в количестве 196,756 десятием переианые в ведение Министерства Гос. имуществ. Войско, просуществовавшее свыше ста лет, было упразднено. Переселившиеся калмыки вошли в состав Оренбургского казачьего войска. /Стол. В. Мин. 2. П. С. 3. т. XVII №-15.677./

10-XI-32. Прага.

---000---

Д-р. ЭР. ХАРА-ДАВАН.

КАЛМЫЦКИЕ СТУДЕНТЫ ПИОНЕРЫ.

Политика России к своим "инородцам" была известна и скопирована с принципа древних римлян - "разделяй и управляй", натравливай их друг на друга, держи в темноте, стараясь их руссифицировать, оправославить и за эти методы управления она справедливо получила название - "тюрьма народов".

Такова была политика и к Калмыцкому народу. Разделен и разбросан он был повсюду и понемногу: на Урале, под Оренбургом, на Тереке, у Волги, на Дону, в Ставропольи. Школ почти не было, если и были, то очень мало. Например, на 40,000 населения северной части Малодербетов была одна начальная школа на 25 мальчиков. Весь Калмыцкий народ имел в Астрахани одно калмыцкое двухклассное училище на 50 учеников с исключительной задачей выпускать столь необходимых в деле управления калмыками переводчиков, так как русские чиновники считали ниже своего достоинства изучать язык того народа, которым управляли.

Над всем Калмыцким народом была учреждена попечительная власть, подобно тому, как ставят попечителей над малолетними, глухонемыми, сиротами или слепыми. Это было тем более печально, что "попечительство" было установлено над потомками тех монголов, которые дали блестящую эпоху в мировой истории и помогли создать из удельно-вечевой, раздираемой на клочки Руси Московское царство Монна Грозного.

Так скудно было поставлено народное образование почти у всех калмыцких групп и это не потому, что не хватало средств, ибо школьные расходы делались из калмыцких общественных сумм, а потому, что просто запрещалось открывать школы без разрешения русской власти, а разрешения давались скупо. Несколько лучше было поло-